

Алёна Аворус

Взахлёб

Невыдуманнные истории

Алёна Аворус
Взахлёб.
Невыдуманные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18512130

ISBN 9785447475284

Аннотация

Взахлёб – это азартно, увлечённо, упоённо, страстно. Именно так живет героиня этой книги. Невероятные, яркие, смешные, нелепые и смертельно опасные события происходят с ней с самого раннего детства. Безудержное веселье и дикий ужас, всепоглощающая любовь и жестокая месть, щемящая жалость и звериная ярость – все есть в этих невыдуманных историях. Книга написана в форме отдельных рассказов, повествование в которых ведётся от первого лица.

Содержание

Бабочка	6
Горшок	9
Карандаш	11
Варенье	13
Ковёр	15
Заросли	18
Котята	20
Маньяк	24
Топорик	27
Белый	29
Дылда	32
Знахарка	37
Дыня	39
Тимка	41
Кардинал	46
Лягушка	48
Трамплин	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Взахлёб

Невыдуманнные истории

Алёна Аворус

© Алёна Аворус, 2017

© Александр Звенигородский, дизайн обложки, 2017

© Александр Звенигородский, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4474-7528-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моим родным и близким с любовью посвящается

Бабочка

Было лето. Второе лето в моей жизни. Мы с бабушкой гостили в городе Великий Устюг у её мамы. У прабабушки был частный дом с небольшим садом. Хотя мне уже исполнилось полтора года, я не говорила. Ни одного слова – ни мама, ни папа, ни дай. Вообще не разговаривала.

И вот одним ранним утром я проснулась, пока все ещё спали. Оделась и тихо вышла. Сад был заросший. Тропинка, а по бокам до забора сплошь трава и дикие цветы.

В саду я увидела бабочку – яркую-яркую, жёлтую. Она порхала с цветка на цветок. Мне стало очень интересно, захотелось её рассмотреть. Я побежала за лимонницей, а она взлетела. Тогда я протянула к ней ладошку, но бабочка не села на руку. Она опустилась на одуванчики, такие же жёлтые как она сама.

Надеясь её приманить, я сняла с себя розовую кофточку. Кофта ещё ярче цветов, может, понравится она?

– Баба-либа, сядь на кофу!

Но лимонница всё ускользала, мои уговоры на неё не действовали...

На крыльцо вышла моя бабушка. Она вдруг всплеснула руками и убежала в дом, созывая всех:

– Идите, идите, скорее! Алёнушка заговорила!

С этого дня я начала говорить. Совершенно по—взросло-

му, целыми фразами, неожиданно по-московски «акая».

Жёлтая бабочка осталась у меня в памяти как самая неисполнимая мечта. Ничего и никогда в детстве мне не хотелось так сильно, как подержать её на ладони.

История эта получила неожиданное продолжение через несколько десятков лет, совсем недавно.

Мы с братом, его женой и племянниками были в деревне. Жарким летним днём поплыли кататься на моторной лодке. Причалили к песчаному берегу, чтобы искупаться.

Я выпрыгнула из лодки первая. Прямо передо мной на песке сидел красный адмирал. Очень редкая бабочка. Давно я таких красавцев не видела. Адмирал открывал и закрывал свои невероятные крылышки, на черном фоне которых светились ярко-алые и белые полосы.

Захотелось рассмотреть его поближе, и я стала осторожно подкрадываться. И вдруг, сама не зная почему, протянула руку как в детстве. А адмирал взлетел и сел мне прямо на ладонь. Устроился и раскрыл крылышки: смотри, любуйся!

Сидел он долго. Я и племянникам показала, и держать устала. Адмирал всё шевелил усиками и не улетал. А когда взлетел, то покружился и сел мне сначала на лоб, потом на плечо. Так и порхал, порхал вокруг меня, пока мы не уплыли.

Все случилось точно, как в моей детской мечте – протянула руку, и адмирал прилетел. Если чего-то очень сильно хочешь, так и случается рано или поздно. Иногда через мно-

го-много лет, вдруг садится тебе на ладонь бабочка. Гораздо красивее той, о которой мечталось...

Горшок

Почему-то в детстве я была ужасной задирой. Пользовалась тем, что была рослой не по возрасту. Била своих двоюродных братьев при каждом удобном случае. И старшего, и младшего. Старшему доставалось даже больше: мы с ним виделись весь год, а с младшим – только летом.

Летом мы снимали вместе дачу в Конаково: мои родители и мамин младший брат с семьёй. Все жили в одном деревянном двухэтажном доме. Двери наших комнат выходили в коридор напротив лестницы.

Я не помню, из-за чего мы повздорили, только прекрасно помню, как я надела своему двоюродному брату на голову горшок. Сверху ещё и кулаком стукнула.

Детские горшки в то время были как кастрюли: металлические и эмалированные. Такой округлой формы, к горловине сужающиеся, словно деревенские чугунки. Горшок на голову оделся хорошо, а снять его обратно – уши мешали.

Брат как начал реветь! Я попыталась горшок снять – он ещё сильнее залился плачем. Испугавшись, я спряталась под лестницей в коридоре. Прибежали его родители, начали снимать горшок, но ничего не получалось.

Дядя стал по коридору бегать, меня искать:

– Где эта маленькая разбойница?! Ох, попадись она мне!

Я от страха под лестницей почти в пол вжалась. Сердце

стучало, как бешеное, в ушах звенело, перед глазами плыли круги. Сидела там и дрожала, как заяц, боялась шелохнуться. А дядя уже к моим родителям бросился:

– Вырастили бандитку, хулиганку, что творит! Ничего себе девочка!

Как ни пытались, но ни мои папа с мамой, ни дядя с тётёй снять горшок с головы так и не смогли. Отвезли, в конце концов, брата в больницу и сняли там. С тех пор нас одних играть не оставляли.

Я-то прекрасно помню, как дрожала от страха под лестницей. А дядя мой, что он бегал с криком:

– Где эта бандитка!

Горячо отрицает:

– Не мог я этого кричать про такую хорошую девочку...

Карандаш

В нашем роду много людей, художественно одаренных, даже довольно известных. Мои родители тоже надеялись, что у меня откроются способности к рисованию. С самого раннего детства мне в огромном количестве покупали альбомы, карандаши, мелки и краски.

Я прекрасно его помню, этот жёлтый карандаш. Он так и стоит у меня перед глазами. Взяла я его, засунула в ухо и стала крутить. И вдруг раздался такой оглушительный хруст. Карандаш остался у меня в руке, а обломок грифеля – в моем правом ухе.

И так страшно этот грифель хрустел и шуршал, словно какой-то жук перебирал лапками. Мне и слушать этот хруст было противно, и признаться родителям страшно. Что бы я им сказала?

– Зачем ты карандаш в ухо засунула?

– Сама не знаю...

Я пыталась грифель ногтями подцепить, но только дальше его проталкивала. Так глубоко он забился, что даже и пальцем стало не достать. Сразу в ухе у меня зашумело и затикало, как часы. Тут уж я перепугалась и побежала к родителям признаваться.

Был вечер воскресенья, все поликлиники давно закрылись. Родители поймали такси и повезли меня в дежурную.

Там врач посмотрел и удивился:

– Надо же так в ухо грифель затолкать!

Хватал, хватал пинцетом, так и не вытащил. Родители уже стали в панику впадать, а у меня температура начала подниматься.

Из дежурной поликлиники повезли меня на машине «скорой» в Морозовскую больницу. А там совсем древний профессор нас встретил. Взял щипчики и сразу как-то вытащил. Подал мне этот жёлтый грифель:

– Это вам на память, сударыня!

Совсем недавно я случайно увидела ролик, как мужчине где-то в Америке доставали из уха мотылька. Мне сразу так плохо стало, и ноги подкосились. Вспомнила, как грифель у меня в ухе шуршал и хрустел.

Варенье

Бабушка умела варить замечательное варенье. Особенно из клубники. Сами ягодки были внутри кислые, а сироп сладкий.

Когда мы снимали дачу в Конаково, бабушка варила варенье всё лето. Оно было черничное, малиновое, яблочное, из крыжовника с листьями вишни и, конечно же, восхитительное клубничное.

Самым моим любимым лакомство в то время был «сладкий хлеб». Делали его так: кусок батона намазывали сливочным маслом, а сверху клали варенье. Съесть такой бутерброд и не «нарисовать» себе усы из варенья было для меня делом просто невозможным...

Мы бегали на улице с утра и до вечера. Быстро поели, что-нибудь с собой схватили, и опять гулять. Кто яблоко, кто печенье, а кто и конфету жевал. Словом, у кого что было.

Как-то раз я вышла на улицу со «сладким бутербродом». Шла, кусала его на ходу. Вдруг почувствовала, что кто-то сел мне прямо на усы из варенья. Я подумала, что это муха и придала её пальцем. А она как укусит! Это была совсем не муха, а огромнейшая оса.

Я от боли даже бутерброд свой выронила. Никогда ещё в жизни меня не кусали ни пчёлы, ни осы. Заревела, слёзы полились градом. А губа как огнём запылала...

Пока я до дому бежала, губа моя всё раздувалась и раздувалась. Такая огромная плюшка образовалась, что даже нос заткнула. И говорить я не могла, и дышала еле-еле.

Бабушка мне сделала компресс из чая с подорожником, опухлость меньше стала, сразу нос освободился. Но разговаривать нормально я ещё дня два не могла – попробуй, поговори, когда у тебя верхняя губа не шевелится.

Наверное, этот укус подействовал на меня как прививка. Никогда у меня больше ничего так не раздувалось, хоть и кусали меня осы потом частенько...

Ковёр

Моё раннее детство прошло в коммунальной квартире. Комната у нас была маленькая, народу жило много – особо не разбежишься. Зато коридор и кухня были огромные. По коридору мы, с соседским мальчишкой, катались на трехколёсных велосипедах.

Жила у нас в квартире одна старушка, и все дети её очень боялись. Нос у неё был крючком, глаза навывкате, и она ими так страшно сверкала. Мы её прозвали Бабой-Ягой. Как видели Ягу в коридоре – сразу бежали в комнаты прятаться.

Кот у соседки жил огромный, чёрный. Зимой она его из комнаты не выпускала, а летом увозила в большой корзине на дачу. Все в квартире говорили:

– Кот у неё разбойник.

Почему он разбойник, нам было не понятно. Мы думали, что это Кот Баюн. Старушка, видя наш ужас при её появлении, всегда нас дразнила:

– Ох! Опять вчера всю ночь по небу летала!

Нам и страшно, и интересно.

– Есть у меня ковёр-самолёт. Если будете себя хорошо вести, то возьму и вас полетать. А кто не слушается, того я превращаю в больших черных тараканов!

Как нам хотелось полетать на ковре! Обещала, обещала нам Баба Яга на ковре полетать, но так с собой и не брала.

Мы уже верить перестали:

– Может, и нет у неё никакого ковра?

Однажды, когда мы почти разуверились, она подвела нас к своей двери, приоткрыла:

– Вот он, мой самолёт!

Ковёр как ковёр, лежал на полу, ничего волшебного в нём заметно не было.

В ванной все стирали строго по очереди. Мы дождались, когда Баба Яга пойдёт стирать, и решили испытать ковёр. На кухне как раз тоже никого не было.

Одна из соседок у нас была очень экономная, покупала куриные желудки, которые называла «пупки». Когда она начинала варить в большой кастрюле эти пупки, все затыкали носы и разбегались с кухни.

Мы с соседским мальчишкой прокрались в комнату, остальные толпились у двери. Только мы сели на волшебный ковёр, как из-под кровати выскочил котяра. Он был огромный, абсолютно чёрный, глаза горели красным огнём. Как зашипел на нас!

От страха мы пулей вылетели из комнаты, и дверь настежь. А кот за нами. Все неслись в ужасе по коридору:

– Спасайтесь! Сейчас разорвёт нас Баюн!

Котяра же на кухню свернул и сразу на плиту прыгнул. Пупки ещё нагреться не успели. Он кастрюлю опрокинул и стал их заглатывать, а сам лапы расставил и рычал. Шипел, кусался, никого не подпускал. Так и съел все пупки.

Вскоре мы переехали. Но эти страшные красные глаза из-под кровати долго мне ещё снились...

Заросли

Когда мне было шесть лет, мы переселились в новостройку на самую окраину. За дорогой начинался подмосковный лес, где ещё росли земляника и грибы. В лесу протекала маленькая речушка со смешным названием Пономарка. Она была как ручеёк – глубина везде по колено.

Я научилась читать в четыре года и, к тому времени, прочла уже много интересных книг. Особенно меня поразило «Затерянный мир» Конан Дойля. Мне часто представлялось, что я путешествую в тропических лесах: по прекрасным и диким местам.

Как-то летом компания бабушек с внуками отправилась погулять в лес. Мне очень нравилось играть около речки. Хотя бабушка мне строго запрещала разуваться и заходить в грязную воду, но в тот раз, улучив момент, я сняла сандалии и, по колено в воде, отправилась вверх по течению.

Чем дальше я удалялась от дороги, от криков детей, бегающих на лужайке, тем таинственней становились заросли вокруг. Я не заметила, как забрела так далеко, что вокруг наступила какая-то невероятная, немислимая тишина. У меня даже дух захватило от странных чувств – радости и страха одновременно.

Лучи солнца еле пробивались сквозь густые ветки, какие-то выющиеся растения свисали с деревьев, летали неве-

роятно яркие бабочки и огромные стрекозы. Лес по берегам был совершенно непроходимым: сплошной бурелом, опутанный выюнами. Возникла полная иллюзия, что я в тропических джунглях Амазонки, а не в подмосковном лесу.

Дом, лес, другие дети были где-то совсем далеко. Так далеко, что казались призрачными и нереальными. Реальным был только этот волшебный и дикий мир, окружавший меня в звенящей тишине.

Тут раздались голоса. Меня хватились и стали искать. Иллюзия исчезла, я быстро побежала обратно. Бабушка меня отругала и не разрешила больше убежать с полянки.

А зря. Может быть, я позвала бы всех с собой. И тогда дети и бабушки, сняв обувь, тихо прошли бы по колено в воде вглубь зарослей и оказались бы в моём волшебном мире...

Котята

Наш дом был кооперативный, люди в нём жили благополучные. А в окрестных домах, наоборот, жили семьи очень разные. Много было таких, где родители не следили за детьми: были алкоголиками. В этих домах подрастали компании настоящей дворовой шпаны.

Особенно опасными хулиганами считались мальчишки из двенадцатого дома. Они часто приходили поиграть на пустыре и всегда подбивали наших на всякие недобрые выходки.

У нас в доме был подвал, который первое время совсем не запирался. Мальчишки любили бегать по подвалу и прятаться между труб. В подвале уже успели поселиться кошки. Жильцы считали этих кошек почти домашними и скармливали им объедки.

Однажды я гуляла на улице и увидела, что большие ребята вынесли из подвала котят. Котята были уже подросшие, с открытыми глазами. Они пищали и вырывались. С нашими ребятами шёл один известный хулиган из двенадцатого дома. Он нашёл какую-то большую жестяную банку, высокую, как ведро, и протянул ребятам:

– Давайте мы их посадим в банку.

Мальчишки и рады стараться. А котята запищали и полезли в разные стороны из этой банки.

– Быстрее! Налейте туда воды и посмотрим, умеют ли они плавать!

И сам хохотал, и наши мальчишки за ним. Хохоча, они побежали к пожарному крану и налили в банку воды. Котята ещё сильнее замяукали и, уже мокрые, снова стали пытаться выбраться.

Я поняла, что дело плохо, закричала нашим мальчишкам:

– Перестаньте котят мучить, отпустите их немедленно и назад в подвал отнесите!

А вместо них мне ответил хулиган:

– Цыц, сикильдявка, дуй отсюда, а то получишь!

У мальчишек на пустыре был разведен костёр, они хотели патроны взрывать. Хулиган им скомандовал:

– Несите банку сюда! Давайте из этих котят суп сварим!

Наши мальчишки взяли банку с котятами, принесли её к костру и поставили на огонь.

При виде этого меня охватила какая-то дикая, нечеловеческая ярость. В бешенстве я схватила с земли отрезок тонкой металлической трубы. Совершенно не чувствуя страха, побежала к костру, захлёбываясь слезами:

– Ах вы, фашисты!

Первым делом я скинула с огня банку, где пищали котята. Потом начала этих мальчишек разгонять. Они были большие, лет десяти. Но я била их куда попало со всей силы трубой: по спине, по ногам.

Видимо, я была ужасна, потому что они разбежались, кри-

ча:

– Совсем бешеная!

Расправившись с мальчишками, я побежала скорее собирать котят. Они мокрые, грязные, но живые ползали у костра: вода ещё не успела нагреться. Я собрала их всех и держала в руках: не знала, что с ними делать. А мальчишки набрали на пустыре засохшей глины и стали кидаться в меня издалека, потому что близко подойти боялись.

Когда котята обсохли немного, они опять полезли в разные стороны. То один вырывался, то другой. Поймала я одного, самого шустрого, только подняла голову – вдруг: бам! Огромный кусок сухой глины с мелкими камушками ударил мне в лоб и разбил бровь. Сразу потекла ручьём кровь. Я заревела, как сирена, мальчишки от страха понеслись кто куда. А Вовка, автор меткого броска, на пустырь убежал и спрятался в бурьяне.

Откуда ни возьмись, столько народу сразу набежало: моя бабушка, родители мальчишек, девочки большие и даже тёти из соседнего дома. Котят, героически спасённых, сразу же всех разобрали. Меня бабушка увела кровь останавливать. А Вовкин папа вышел на балкон с ремнём и грозил в сторону пустыря:

– Ну, только приди домой, три шкуры спущу!

Вечер уже наступил, а Вовка домой идти боялся, прятался в бурьяне. Мне так жалко его стало: представила, как он сидит голодный в темноте на пустыре. Пошли мы с бабушкой

к Вове домой. Я, как раненый боец, с головой в бинтах, стала Вовкиного папу просить:

– Не порите сына ремнём. Он не хотел мне в лоб попасть, так случайно вышло. Я его тоже железной трубой била!

Посмотрел его папа на меня, только хмыкнул. Потом вышел на балкон:

– Иди домой, не буду пороть!

На следующий день встретил меня Вовка на улице:

– Я теперь тебя тоже защищать буду. Только скажи, любого побью!

Лоб быстро зажил, но метка на всю жизнь осталась. Одна бровь у меня ровная, а на другой волоски пучком на месте шрама вверх торчат. Муж так и говорит:

– Ты у меня – девочка со шрамом!

Маньяк

Я родилась в декабре, и в школу в шесть лет меня не взяли.

– Не мальчик, в армию не идти, куда торопиться, пусть ещё погуляет.

Все мои одноклассники ходили в школу, делали уроки и стали меньше гулять на улице. Так я подружилась с девочкой Олей, которая была на полтора года младше.

Зимой всегда темнело рано. Мы с Олей катались на санках с маленькой горки у дома, прямо на самом краю пустыря. Пустырь был огромный, дальше шла высоковольтная линия, и только за ней начинался обжитой микрорайон, где были магазины и освещённые улицы.

Катались мы, катались. Вдруг из темноты над пустырём появился какой-то мужчина:

– Девочки, хотите конфет?

Ходили слухи о злых дядях и тётях, которые похищали маленьких детей. Мы шёпотом пересказывали их друг другу, делая «страшные глаза». Но сами мы в них, конечно, не верили. Я тоже не верила. Но однажды мама подозвала меня к себе и сказала:

– Никогда не бери конфеты у незнакомцев. Особенно, если будут звать тебя пойти с ними. А если они не отстанут, кричи.

Конфеты я вообще не любила, и сразу вспомнила, что мне

мама говорила. А Оля обрадовалась:

– Хочу!

У меня санки были новые, с красивой алюминиевой спинкой. Оле же достались старые санки: без спинки. И вот этот дядя схватил мои новые санки и подвёз их к Оле:

– Садись, сейчас поедem в магазин через поле, и там мы купим тебе конфет!

Я ужасно разозлилась. Просто вскипела, как чайник. Мало того, что он предлагал конфеты, а у самого их не было, так он ещё и мои санки взял. Я вцепилась в спинку своих санок и закричала:

– Не отдам!!!

– Садись тоже на санки, я и тебе конфет куплю!

Дядя-обманщик подбежал ко мне и стал тянуть за рукав. Я вырвала у этого дяди свой рукав и за лопаткой кинулась.

Раньше детские лопатки были не такие, как сейчас. Добротная железная лопатка на деревянной ручке, почти как сапёрная. Я любила строить домики из снега и рыть пещеры в сугробах, и всегда с собой на улицу брала лопатку. Вот и тогда она у меня лежала рядом с горкой.

Я схватила свою лопатку и быстрее побежала назад, на бегу ею размахивая:

– Отдавай мои санки!!! А то я как лопаткой стукну и бабушку позову!

А дядя тем временем санки с Олей в темноту тянул, и даже не смотрел на мою лопатку. Тогда я закричала изо

всех сил:

– Бабушка!!!

Дядя как-то странно съёжился, голову в плечи втянул, санки бросил и исчез в темноте. Тут и бабушка из подъезда выбежала, но не моя, а Олина.

Много лет потом по нашему дому ходила история, как я Олю от маньяка спасла и чуть лопаткой его не зарубила.

Топорик

Это было последнее лето перед школой. Мы снимали дачу на Волге, в Конаково. Плавать я не умела, купалась на мелководье, где можно было «ходить руками по дну».

Мы жили с бабушкой, а по выходным к нам приезжали мама и папа.

Как-то в один из таких выходных мы отправились купаться. Папа решил меня учить плавать на глубине. Там было довольно глубоко, мне выше головы. Я била руками и ногами, пытаюсь плыть. Он поддерживал меня руками, сцепив их кольцом:

– Плыви, плыви, я тебя держу!

Я не помню, сказал папа что-то или нет, но он меня вдруг отпустил. Поняв, что меня больше не поддерживают, я даже не сделала попытки бить руками и плыть. Просто ровно и гладко легла на дно, пошла под воду «топориком».

Очень хорошо помню, что я не задыхалась, мне не было страшно. Просто лежала на дне и всё.

Субъективное время остановилось. Вдали колыхались водоросли. Подо мной был мягкий речной песок. Сквозь желтоватую волжскую воду пробивалось солнце. Мне казалось, что прошло уже несколько часов, а я всё лежу в этой мутной дрёме.

Перепуганный папа вытащил меня из воды, отнёс быст-

рее на берег. Подбежала мама, они вдвоём стали меня трясти и тормошить, боясь, что я наглotalась воды. Как ни странно, этого не случилось. Очень удивительно, почему я «затонула», не глотнув воды. Обычно, если у человека в легких воздух, он держится на поверхности.

Папа потом меня спрашивал:

– Почему ты не стала бороться? Нас так в деревне учили плавать большие мальчишки. Заносили малышей на глубину и бросали: плыви. Я от тебя такого не ожидал. Думал, сразу поплывёшь! Так хорошо руками и ногами гребла! А ты что?

– Сама не понимаю...

Этот мой «топорик» до сих пор легенда нашей семьи. После этого случая папа уже никого так не учил плавать: ни младшего брата, ни внуков.

Белый

Впервые мы уезжали с дачи в конце августа. Нужно было готовиться к школе. В день перед отъездом мы с бабушкой решили напоследок сходить за грибами.

Ходили, ходили. Набрали по полной корзине, но ни одного белого нам не попало. Бабушка сокрушалась:

– Неужели на прощанье ни одного белого гриба бор нам так и не подарит?

Все наши любимые местечки мы обошли по нескольку раз: и противопожарные пахоты, и тропинки, и заветные бугорочки. Нет белых грибов – и всё тут!

Уже и сумерки начались, а я бабушку всё упрашивала:

– Ну, ещё немного! Давай, походим ещё чуть-чуть!

Так мне хотелось найти белый гриб! Я его прямо как наяву представляла: такой плотный, ароматный, настоящий боровик...

Когда стало уже почти темно, мы вышли на край бора, где фонари, скамейки и танцплощадка. Танцплощадка была в бору самая простая: круг между деревьями. Но уж землю там утоптали так, что она стала тверже асфальта.

Мы шли мимо танцплощадки, и я увидела прямо в центре какой-то бугорок. Мне стало интересно:

– Кто это смог такую твердь пробить? Может быть, это крот? Или корень сосны?

Я подошла к бугорку, слегка его раскопала и увидела под землей что-то ослепительно белое. Начала копать дальше, а это – гриб! Белый гриб, в прямом смысле этого слова! Это оказался настоящий белый, только полностью подземный, как какой-нибудь трюфель.

До самой темноты мы выкапывали гриб: огромный, твердый, как камень, боровик. Не зря, видимо, он мне так ярко представлялся...

На следующий год, как только пошли грибы, мы снова с бабушкой отправились на танцплощадку. И нашли! Да не один, а сразу несколько подземных грибов.

Все удивлялись:

– Откуда вы таких белых берёте?

Я честно отвечала:

– Собираем на танцплощадке.

– Какая внучка у вас фантазёрка! Не могут грибы расти на танцплощадке, там земля как асфальт!

А мы с бабушкой в ответ только улыбались и хитро переглядывались.

Дылда

В нашем роду все женщины высокие. Моя бабушка была практически выше всех сверстниц, мама тоже выдалась ростом. Так что у меня изначально были все задатки стать акселераткой. Среди разновозрастной дворовой компании я особо не выделялась, о своем росте не задумывалась, пока не пошла в первый класс.

На торжественной линейке в честь первого сентября учительница расставляла первоклашек по росту в обратном порядке. Самых маленьких вперёд, тех, кто повыше – назад. Меня она поставила самой последней.

Я с удивлением обнаружила, что выше всех одноклассников почти на голову. И когда учительница подводила меня к концу строя, чья-то мама ахнула:

– Ну и дылда!

Все захихикали и стали оглядываться. С тех пор на переменах до меня долетал шепоток:

– Смотри, смотри! Вон пошла дылда...

Наконец мне эти насмешки надоели. Я выбрала подходящий момент, когда в классе все уже сидели за партами, а учительницы ещё не было. Выйдя к доске, я громко сказала на весь класс:

– Если ещё кто-то хоть раз назовёт меня дылдой, то получит в глаз!!!

И показала всем кулак. Кулак мой возымел своё действие. Дразниться перестали. Все, кроме Игорька.

В драке против меня шансов у него не было, поэтому он действовал подло: прятался в мужском туалете и кричал из открытой двери:

– Дылда, дылда!

В конце концов, эту сцену застала учительница. Она вызвала родителей Игорька, и он присмирел.

В нашей школе был кружок танцев. Всех первоклашек отправили на прослушивание. Тех, кто смог прыгать по кругу под музыку, попадая в такт, стали учить танцам. Игорька в кружок не взяли.

Приближался Новый год. В нашей школе готовился традиционный концерт. Все кружковцы разучивали какой-нибудь танец. Почему-то было так принято, что танцевальные пары образовывались только из ровесников. Перwokлашки с первоклашками и так далее. Из всех первых классов нашёлся только один мальчик, Серёжа, подходящего для меня роста.

Он был слегка полноват и неповоротлив. Поэтому нам дали самый простой танец: «Мишка с куклой». Танцевать нужно было под незамысловатую песенку:

– Мишка с куклою громко топают, громко топают: раз, два, три! И в ладоши громко хлопают, громко хлопают – посмотри!

И мы с Серёжей топали, хлопали в ладоши и кружились

под ручку. Наша учительница танцев была довольна и нас хвалила.

Настал день концерта. Меня нарядили в плиссированную юбку и сделали два огромных банта – ну кукла куклой. Серёже его мама сшила костюм медведя, и он надел на лицо бумажную маску.

У Игорька был красивый, звонкий и очень громкий голос. И из всех, кто не участвовал в танцах, именно его выбрали конферансье.

В актовом зале нашей школы была настоящая сцена с тяжёлыми бархатными портьерами. Но буквально за несколько дней до концерта что-то сломалось, и занавес перестал закрываться. Наша учительница танцев нашла выход:

– Сначала вы будете прятаться за портьерами по бокам, а после объявления номера выбежите с двух сторон на сцену и начнёте танцевать!

Мы с Серёжей спрятались за портьерами и ждали. И вот донесся голос Игорька:

– А сейчас, уважаемые зрители, этот задорный танец для вас исполнят Мишка и Дылда!

Сейчас, конечно же, я понимаю, что Игорёк хотел сказать «кукла», но просто переволновался. Сам, наверное, не слышал, что говорил. Но тогда!

Мне очень захотелось тут же спрыгнуть со сцены, поймать этого злополучного конферансье и отвесить ему тумачков. Как я злилась! Серёжа махал мне из-за портьеры напро-

тив, а я всё не выбегала. Кто-то из старшекласников крикнул из зала:

– Мишка с Дылдой, танцуйте уже! Сколько ждать?!

Закусив губу и давясь злыми слезами, я выбежала на сцену под хохот зала. Как я топала: чуть пол не проломился. Хлопала я тоже так, что у Серёжи ладони покраснели.

Слёзы на моих глазах быстро высохли, и всю свою злость на Игорька я вложила в танец. Видимо, я искрилась, как шаровая молния, которая вот-вот взорвётся. Даже неповоротливый Серёжа скакал, словно горная лань и кружился, как настоящая балерина.

Когда музыка закончилась, бешено аплодируя, вскочила наша учительница танцев. Нас даже вызывали кланяться на бис.

Игорёк же в это время тихо пробирался к выходу, боясь моей расправы. Тумаков он всё-таки получил. Но не от меня, а от Серёжи.

После этого концерта мы подружались с Серёжей, он провожал меня домой и носил портфель. Увидя нас, Игорёк кричал:

– Тили-тили тесто, жених и дылда!

Серёжа за ним гнался, и они дрались на мешках с обувью. Весной открылась новая школа, и Игорька перевели туда. А с Серёжей мы ещё дружили до пятого класса...

Дылдой я оставалась совсем недолго. Вскоре сверстники стали подтягиваться: расти, обгонять. Так что в своём по-

колени я уже не самая высокая, а всего лишь «чуть выше среднего»...

Знахарка

В детстве у меня очень часто болели уши: гнойный отит, обычно двусторонний.

Когда в ухе зрел нарыв, боль была просто нестерпимой. Ещё и ухо практически переставало слышать. После того, как нарыв лопался, становилось легче, слух возвращался, но зато из уха долго тёк противный гной.

Родители куда только меня не водили: даже в платную поликлинику к профессору. Все лишь руками разводили:

– Строение уха такое, генетическая предрасположенность.

Когда мне было лет восемь, врачи объявили:

– Со слухом будут проблемы. У неё на барабанной перепонке нет живого места от шрамов. И если ваша девочка не оглохнет совсем, то слышать всё равно будет очень плохо...

Вскоре после этого бабушка тайно отвезла меня к знахарке. Мы долго ехали куда-то на метро, потом на автобусе. Я оказалась в какой-то полутёмной комнате, где увидела маленькую, сухонькую старушку в чёрном платочке.

Она долго шептала какие-то наговоры, а может молитвы, слов я не разбирала. Потом знахарка налила в воду воск, получился какой-то бесформенный и довольно большой комочек. Она завернула его в ткань, сделала мешочек. Привязала

к нему красную нитку и повесила мне на шею.

Мы ещё не доехали до дома, а я уже злилась и порывалась сорвать этот ужасный мешочек. Останавливало только то, что была зима, и сделать это было очень сложно.

Как только мы приехали домой, я сразу же сняла этот воск и выбросила за окно: прямо в снег. Моя бабушка проявила редкостное упорство. Оделась, пошла искать и нашла. Но на шею мне не повесила, а спрятала в бельевом шкафу.

Ещё долго мне снился по ночам шелестящий шёпот знахарки. Во сне я вслушивалась, вслушивалась, но так и не могла разобрать ни слова.

Когда нас в школе повели на диспансеризацию, врач поразилась:

– Не понимаю, куда делись шрамы?

Много-много лет после этого уши у меня не болели... Действительно ли знахарка их заговорила? Если так, то почему заговор подействовал? Ведь я же всеми силами ему противилась...

Дыня

Родители часто ездили в командировки по работе: запускали химические производства по всей стране. Где только они не побывали! И всегда привозили какие-нибудь сувениры и подарки.

Уже под самый Новый год мама полетела в Чирчик. Перед обратным вылетом из Ташкента позвонила папе:

– Обязательно встречай на такси, у меня с собой сюрприз!

Я ждала этот сюрприз с огромным волнением. Интуиция подсказывала мне:

– Мама везёт что-то немислимое и прекрасное.

Услышав, как открывается дверь, я бросилась в коридор. Папа занёс вещи. Невообразимый аромат тут же заполнил всю квартиру.

Папа понёс сумку на кухню. Я, как привязанная, бежала за запахом:

– Мама, что это? Что так восхитительно пахнет?

– Это пахнет сюрприз.

Наконец-то папа достал её: огромную, жёлтую, продолговатую узбекскую дыню! Мы положили дыню на стол и заворожённо смотрели на это чудо.

За окном были синие декабрьские сумерки. Завывала метель, и снежная крупка стучала в окно. А у нас на столе лежала огромная, яркая, как солнце самого жаркого дня, на-

стоящая дыня.

– Так не годится! Есть такую красавицу на кухне. Я достану сервиз.

Мы накрыли в большой комнате стол, достали самый лучший праздничный сервиз. Дыню помыли и положили на огромное блюдо посреди стола.

Папа её разрезал, и мы увидели ещё одно чудо. Мякоть дыни была розовая и прозрачная. Я даже подумать не могла, что дыня может быть розовой.

Для меня вкус этой дыни остался в памяти как самое лучшее, что только можно представить. Когда в школе нам рассказывали про божественный нектар, которым питались боги Олимпа, я представляла, что он именно такой: как узбекская дыня.

Когда на рынках появились «торпеды», я покупала их в надежде снова ощутить этот врезавшийся в память чудесный вкус. Дыни были сладкие, вкусные. Но их вкус был бесконечно далёк от ароматной сладости той незабываемой розовой дыни...

Тимка

После истории с котятами я долго переживала, что мне не досталось котёночка: даже плакала пару раз.

И вот однажды я проснулась и услышала:

– Мяу! Мяу! Мяу!

Выглянув в коридор, я поняла: папа пришёл с Птичьего рынка! Я выбежала навстречу, а папа распахнул пальто и достал серого пушистого малыша. От радости я скакала как бешеная.

– Теперь у нас есть котик!

Назвали мы кота Тимофеем.

Котёнок был такой крошечный, что помещался на одной папиной ладони. Если папа его другой ладонью накрывал, то Тимофея было вообще не видно: один хвостик свисал...

Мы все недоумевали:

– И кто только додумался таких маленьких котят продавать?

Тимка даже лакать не умел. Есть просил, а молоко не пил. Так пронзительно мяукал от голода, что даже из соседнего дома прибегали, спрашивали:

– Что вы с котом делаете, почему он у вас кричит?

Я его кормила несколько дней так: макала палец в молоко и мазала Тимке рот. Он лизал палец, шерсть вокруг рта – немного молока ему перепало.

Потом наш котик научился сам лакать и стал быстро расти. Но меня так и считал за маму: утыкался носом куда-нибудь в бок, начинал мурчать и кофту мою сосать, а сам когти точил об меня как котята, когда у кошки молоко пьют.

Тимка вырос в огромного пушистого кота. Он был очень похож на манула, только весь серо-голубой. Наш котик очень любил гулять по перилам балкона: жили мы не высоко, на втором этаже. Однажды он не удержал равновесие и полетел вниз.

Я побежала кота искать. Бегала, бегала под балконом – нет Тимки. Хорошо, что я догадалась в окошечко подвала покричать:

– Тимка! Тимка!

Он сразу же вылез из подвала: очень напуганный, на «коротких лапах». С тех пор Тимка часто с балкона летал. То ли он падал, то ли сам прыгал. Далеко не убегал: гулял под балконом и ждал, когда за ним придут.

После того как Тимка побывал в подвале, мы решили первый раз его помыть. Раньше мы мыть кота боялись, продавщица на Птичьем рынке папе сказала:

– Котёнок у меня чистый, домашний. Маленьких котят нельзя мыть, вы его, если на улицу выпускать не будете, не мойте до года примерно.

Хотя Тимке ещё не было года, когда он угодил в подвал, но все испугались:

– Вдруг на него успели блохи прыгнуть?

И понесли мы с папой кота мыть. Тимка упирался всеми лапами: не хотел никак в ванну.

Как же он не любил мыться! Таким утробным голосом завывал, даже страшно становилось. Терпел, не вырывался. Пока мы его мыли, Тимка стоял в ванне и подвывал диким голосом:

– Мяу! Мяу!

Кот такой смешной становился мокрый: огромная пушистая морда, тело без шерсти в два раза меньше, а хвост – совсем тонкий.

Наш Тимка был необыкновенно умный. Однажды мы заметили: газеты в его лотке всё сухие и сухие. Так прошёл день, наступил вечер, а в лотке было без изменений. Мы испугались и стали думать:

– Всё, заболел наш кот!

Нос потрогали – мокрый. И ел Тимка так, что только за ушами пищало. Мама первая заметила, позвала всех:

– Идите, посмотрите, какая новость!

Мы прибежали, а Тимка на унитаза сидит – важный такой! Так с тех пор лоток больше и не понадобился. Мы кота не приучали, ничего не делали. Сам додумался...

Когда мы отвезли Тимофея первый раз на дачу, он сразу всех соседских котов на дерево загнал. Выглядело это очень смешно. Мы с бабушкой сидели около дома на скамейке. Вдруг один кот мимо нас промчался опрометью и на всей скорости заскочил на соседский тополь, за ним другой, тре-

тий. А сзади Тимка бежал: так вальяжно, как бы нехотя. Походил под деревом, потёрся об ствол боком, и, хвост трубой, к нам направился:

– Всех победил!

Сидел как-то Тимка на заборе, а мимо муж с женой проходили. Как они пристали к бабушке!

– Ах, какой красавец! Продайте кота!

Я быстро Тимку на руки подхватила и за калитку убежала.

– Ишь чего захотели! Моего любимого котика им продай!

Только они не успокоились. Снова пришли и опять деньгами стали размахивать. Еле мы с бабушкой от них избавились.

Они Тимке очень не понравились, особенно мужчина. Никогда я такого не замечала, чтобы если кто-то гладить тянул, Тимка шипел, как змея. Наоборот, ласковый такой был котик: все мои друзья его гладили, на руки брали, тискали, а он даже не пискнет никогда.

Вечером они пришли снова: жена с корзинкой, а муж в перчатках. Мужчина схватил Тимку и пытался в корзинку затолкать.

Я сидела на крыльце и вдруг услышала, что на улице Тимка завывает боевым кличем. Выскочила я на помощь, сначала подумала:

– Может Тимка с соседскими котами дерётся?

Вместо драки котов, за калиткой я увидела совсем другую битву: Тимка извивался как змея в руках мужа, а жена за ни-

ми бегала с корзинкой.

Я закричала:

– Отпустите моего кота, воры проклятые. А то хуже будет!

И ведь как в воду глядела! Тимофей наш извернулся, когтями за плечо зацепился, и на голову полез. Шляпу сшиб и в лысину когтями вцепился. Такой шум стоял: кот шипел, мужик ругался, жена бегала вокруг и кричала:

– Помогите!

Тимка вцепился задними лапами в шею, а передними лысину драл: мужик его стащить никак не мог. Забыв о корзинке, он уже взмолился:

– Забирай своего бешеного кота быстрее!

Я подбежала, Тимка сразу мне на руки прыгнул и так замурчал-затарактел, как трактор.

Это был единственный случай, когда Тимка постороннего разодрал. Меня или брата царапнуть, чтоб отстали – это было, но вот чужих – никогда.

Все мое детство и юность прошли рядом с Тимкой. Мне всегда говорили:

– В твоих жестах есть что-то неуловимо кошачье...

И не удивительно, мы же с котом вместе росли...

Кардинал

На даче в Конаково мы снимали половину дома. Во второй половине жила сама хозяйка, Анастасия Ивановна.

Туалет у нас был общий: домик в огороде. Каждый раз, идя в туалет, я проходила мимо грядок с клубникой.

И частенько наблюдала, как внук хозяйки Сашка, парень лет пятнадцати, бегает между грядок и ест клубнику. Каждый раз, увидев меня, он показывал кулак:

– Бабке скажешь, убью!

Проходить мимо рядов клубничных кустов, увешанных ягодами, было нестерпимо. Но мне строго запрещали есть хозяйкину клубнику. Долго я боролась с искушением.

Однажды сила воли моя кончилась. Я прокралась на самый дальний конец грядки у забора и начала есть клубнику. Ничего вкуснее в жизни я не пробовала.

Это была ананасная клубника сорта «Кардинал». Жадно срывая ягоду за ягодой, я каждый раз говорила себе:

– Самая последняя!

Но оторваться от такой вкуснотищи было выше моих сил. Я ела и ела. И так увлеклась, что ничего не замечала вокруг. Вдруг из-за сарая выбежала Анастасия Ивановна:

– Ах вот кто обожрал всю мою клубнику!

Из-за её спины выглядывала довольная Сашкина физиономия. Родителям я честно призналась, что весь урон нанёс

Сашка, а я польстилась на клубнику только один раз. И так напала на ягоды именно потому, что у них был волшебный вкус.

Чтобы больше не подвергать хозяйкину клубнику опасности, было решено покупать мне каждый день по стакану ягод. Бабушка обошла всех хозяек, продававших клубнику с куста. И очень далеко, через две улицы, нашла женщину, которая тоже выращивала «Кардинал».

Каждый вечер мы отправлялись с бабушкой в долгий поход за клубникой. Анна Ивановна набирала нам стакан с горкой и тут же в саду мыла ягоды. Я ела их сидя на скамейке у забора. Закрывала глаза от наслаждения и смаковала каждую ягодку.

Анна Ивановна всегда умилялась:

– Гляжу, как Алёнка есть мои ягоды, и понимаю, что все дни на грядках прошли не зря.

Ещё несколько лет мы ходили за клубникой к Анне Ивановне. А потом напал какой-то вредитель, и весь «Кардинал» у неё погиб...

Не так давно у нас в деревенском огороде появились первые кустики «Кардинала». Я с нетерпением ждала, когда же поспеют ягоды. Часто в детстве всё кажется более вкусным. Но «Кардинал» не подвёл – вкус его остался божественным...

Лягушка

Всё лето я гонялась за бабочками. Мне родители даже купили сачок: голубой, на длинной деревянной ручке. Я этот сачок очень берегла и везде таскала с собой.

И вот однажды забыла его на Волге. Забыла о нём вообще, как будто его и не существовало. Вспомнила только вечером, когда мы с бабушкой уже вернулись, сходяв за молоком.

Я так расстроилась, не могла успокоиться:

– Не усну, пока не выясню, что с сачком! Или он найдётся, или уже пропал безвозвратно...

Мы с бабушкой взяли фонарик, пошли, уже в сумерках, через бор к Волге. Сачок оказался там, где я его оставила. Как я радовалась! Исполняла папуасские танцы и распевала:

– Нашёлся, нашёлся, любимый мой сачок!

Радостно мы отправились в обратный путь. Сумерки стали почти темнотой. Мы шли через лес, и светилась только вытоптанная песчаная дорожка. На радостях мы совсем забыли, что у нас с собой фонарик и шли в полумраке.

Вдруг впереди раздался звук:

– Шлёп!

Мы остановились и прислушались.

– Шлёп, плюх, шлёп!

Кто-то тяжело скакал по песку. Стало жутко. Почти ночь, со всех сторон окружает темнота, и кто-то неведомый под-

жидает на дорожке...

Бабушка вспомнила про фонарь и посветила на тропинку. И мы увидели лягушку. Не жабу, а именно лягушку. Она была песчаного цвета и полностью сливалась с тропинкой.

Размеры этой лягушки превосходили самое смелое изображение: такая огромная, наверное, размером с небольшого ёжика. Лягушка замерла в свете фонарика и, казалось, внимательно смотрела на нас своими глазами-бусинками. Мы осторожно прокрались мимо.

Отошли подальше и опять посветили. Лягушка гигантскими прыжками поскакала следом. У меня захватило дух от невероятности этой картины. По темному лесу скачет невозможная лягушка, как будто она вышла из сказки. Лягушка-царевна.

Для меня навсегда осталось загадкой, что это была за лягушка. В перечне лягушек средней полосы нет ничего подобного. Откуда она появилась, такого вида и размера, на дорожке бора в Конаково?

Трамплин

Все дети зимой ходили в валенках, даже когда катались на лыжах. Для лыж были специальные крепления: петля для ноги, сзади резинка, а спереди крючок, на который эта резинка пристегивалась. И надевалось это всё прямо сверху на обувь.

Я страшно не любила вещи, купленные на вырост, особенно валенки. В первый год они бывали велики, а на следующую зиму – уже малы. Как раз тогда у меня были новые: красивые, серые, с блестящими галошами.

Зимой у нас физкультура была на лыжах. Мы ходили с физруком в лес. На пятёрку надо было сдать все три вида упражнений: ходьба без палок, бег на лыжах, спуск с горы.

С последним видом у меня всегда были сложности. Кататься в очках с горы было опасно, а без очков получалось плохо. Когда я мчалась на скорости, рассмотреть на сверкающей равнине снега накатанную колею, с моим зрением, было сложно. Я очень часто теряла лыжню посреди горки, и меня уносило в сугроб. Такой спуск не засчитывался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.